

25 14 июль 36

ТУЛЬСКИЙ ТЕАТР В МОСКВЕ

В ГОРОДЕ Т... существует Растеряева улица. Принадлежит к числу захолустьев, она обладает и всеми особенностями местностей этого рода, то-есть множеством всего покосившегося и развалившегося совсем.

Ничем не вспоминаемая, никем не сторожимая, Растеряева улица покорно несет свое бремя — нужду. Стук молотков, постоянная песня или бойкая шутка мастерового, веселость детских игр — все эти внешние уличные проявления растеряевской жизни не дают, однако, никакого понятия о том темном горе жизни растеряевского обывателя, которое гнетет его от колыбели до могилы.

Этот город, с Растеряевой улицей, описанный Глебом Успенским, — Тула царских времен.

Старая Тула была между прочим одним из самых нетеатральных городов царской России: дворянство и купечество предпочитало ездить в Москву на премьеры императорских театров, а рабочий оставался в кабаке и кулачными боями: театр был для него разорительной роскошью.

Дорогу рабочего в театр пересекала Растеряева улица: надо было перейти эту улицу с ее нищетою, бесправием, темнотой, сдвигаясь, чтобы рабочий пошел в театр. Это сделал Октябрь.

В Туле давно уже нет Растеряевых улиц. В здании бывшего кулацкого клуба помещается театр им. М. Горького, много поработавший в борьбе с растеряевщиной. Он — также победитель: у него есть прочное ядро рабочего зрителя, который дорожит своим театром. В сущности, самая повадка Тульского театра в Москву внушена желанием тульских рабочих показать свой театр московскому рабочему зрителю. Спектакли Тульского театра в Москве — это отнюдь не демонстрация его достижений, это даже не экзамен на художественную зрелость; это — поверочное испытание на переход в следующий класс, где от экзаменуемых требуется более серьезная и ответственная работа.

Выдержал ли Тульский театр такое поверочное испытание? Несомненно. В театре за последние три года было достигнуто единство художественного руководства (Н. Т. Бережной), актерский состав был направлен на упорную и планомерную работу. Результаты налицо: в спектаклях Тульского театра (три из них — «Гибель эскадры», «Далекое» и «Живой труп» Л. Толстого — шли в постановке Н. Т. Бережного, «Славя» — в постановке Б. А. Балабина) есть всегда — не только режиссерская, но и актерская — забота о реалистическом освещении образа, о правильном отображении жизни нашей стройки, о созвучном эпохе раскрытии пьесы.

Эта забота — фундамент всякого нормального советского театра. На нем надлежит возводить здание.

Тульскому зданию еще далеко до крыши, но стройка мачата по верному чертежу. «Гибель эскадры» хорошо задумана, как показ коллектива, выковывающего в тяжелых испытаниях творческую революционную волю. В «Славя» верно расслышана режиссером и исполнителями мужественная лирика героизма без «геройства», столь характерная для подлинных героев наших дней. Вариацией этого героизма в повседневных «трудах и днях» звучит «Далекое». В «Живом трупе» режиссера занимал конфликт Федя, почувствовавшего «накостность» окружающей жизни с теми, кто этой «накости» не чувствует и ей служит.

Режиссерские чертежи и рисунки Тульского театра, при их простоте и несложности, вполне удовлетворительны. Но красками спектакля Тульский театр владеет значительно хуже, чем его чертежом и рисунком. Добрые намерения здесь нередко сводятся к элементарному показу добродетели или порока элементарными средствами — густотой красок или пестротой параллелизма: черное — белое, белое — черное.

Тульский театр — один из типичных театров нашей периферии, и то, что он показал в Москве, его рядовые спектакли. Они стоят на хорошем среднем, если так можно выразиться, уровне. Но тем крепче хочется пожелать, чтобы этот средний уровень превратился в высокий уровень.

С. Дурылин.